

Словами в сердце, сердцем в слово —
Существовать в упорстве.

(Перевод Д. Самойлова)

Уже можно сказать, что первые книги серии «Избранная зарубежная лирика» удалась. Думается, что составители продолжат поиски, не станут ограничиваться публикацией сделанных ранее переводов и шире обратятся к стихам, еще неизвестным русскому читателю, или, когда это нужно, закажут новые переводы. Интересно было бы познакомиться в рамках этой серии с творчеством поэтов, у нас еще не переведившихся. И не только поэтов нашего века, но и более ранних эпох.

А. ГОРБУНОВ

НИЧЕМ СЕБЯ НЕ ТЕША

Карсон Маккаллерс. Сердце — одинокий охотник. Перевод с английского Е. Голышевой. После-словие С. Майзельс. Москва, «Молодая гвардия», 1969. 318 стр.

Маленький южный американский городок, давно знакомый нам по романам Фолкнера, рассказам Колдуэлла. Может, чуть более индустриализованный — на окраине несколько текстильных фабрик. Зной. Пыль. Скука. В маленьком городке живут «маленькие люди» — глухонемой гравер по металлу Сингер, негр-врач Копленд, рабочий-агитатор Блаунт, школьница-подросток Мик Келли, хозяин кафе Бреннон. Каждый одержим своей идеей или страстью, каждый одинок. Каждый занимает свое место в романе Маккаллерс «Сердце — одинокий охотник».

Доктор Копленд, посвятивший жизнь борьбе за права негров, не в силах поднять и объединить придавленный вековым рабством народ. Человек суровый, негибкий, грубо пытающийся навязать свои взгляды домашним, он терпит полное крушение и в личной жизни — уходит жена, дети вырастают чуждыми ему и его идеям. Джейк Блаунт мечтает сплотить всех угнетенных, заставить их прозреть. Но его протест — это бунт в одиночку. Не видя вокруг единомышленников, не представляя толком путей борьбы, Блаунт постепенно озлобляется, становится алкоголиком. Мик Келли, одаренная девочка, одержимая любовью к музыке, одинока в своей семье, поглощенной ежедневной борьбой за существование. Биф Бреннон, по иронии судьбы оказавшийся хозяином кафе, далек от мыслей о наживе. Он хочет понять самое сокровенное в окружающих его людях и таким путем постигнуть смысл жизни.

Интересы героев не сталкиваются, их судьбы не пересекаются. Но всех их, по мнению Сингера, роднит одно: «У всех четверых есть то, что они любят больше, чем еду, сон, вино или общество друзей». И еще — тяга к загадочному Сингеру. Вы-

нужденные молчаливость и спокойствие делают его идеальным собеседником для этих людей, переполненных своими неотступными и неосуществимыми замыслами. В общении с ним они видят выход из своего одиночества. Для Копленда — это единственный белый, уважающий его расу; для Блаунта — человек, понимающий нужды угнетенного пролетариата; для Мик (самое парадоксальное) глухонемой Сингер — тонкий ценитель музыки.

Постепенно образ немого, всеобщего друга и утешителя, гиперболизируется. Молчаливый человек, бродящий по ночным улицам, становится известным всему городу. «Евреи говорили, что он еврей... В одном запуганном властями профсоюзном комитете текстильщиков шепотом передавали, что немой — организатор из комитета производственных профсоюзов. Одинокий турок... убеждал свою жену, что немой — турок... Какой-то деревенский старик утверждал, будто немой из одного с ним округа...» И людям было легче переносить свое одиночество.

Но только читатель да еще, пожалуй, Биф Бреннон догадываются, что у немого есть своя тайна. Он так же нуждается в иллюзии, как и те, кто ищет у него утешения. И так же одинок, как они. Его кумир — слабоумный глухонемой Антонапулос. Поглощенный удовлетворением лишь самых примитивных потребностей, он отвечает равнодушным безмолвием на все излияния и заботы Сингера. Но как Копленду, Блаунту, Мик в молчании Сингера чудится глубочайшее понимание и сочувствие, так Сингеру в молчании Антонапулоса видится какая-то высшая истина.

Говоря о своем романе, Маккаллерс определила его как «ироническую притчу о фашизме, если показывать духовную, а не политическую сторону этого явления». Этот замысел отчетливо просматривается и в композиции романа. Если представить себе ее графически — это конус. Его венчает фигура слабоумного Антонапулоса. Все чаяния, мечты и надежды героев обращены к Сингеру, а он сам — к Антонапулосу. По сути, это роман о тщете упований, обращенных к кумиру.

Однако стройная концепция талантливого автора отступает под напором жизненного материала. Во второй половине романа Маккаллерс почти забывает о своей конструкции. Спокойное повествование, раскрывшее духовную жизнь героев, не сталкивающихся в личных конфликтах, сменяется бурей конфликтов социальных.

Копленда, пытавшегося вступить за сына, изувеченного в тюрьме, до полусмерти избивают в полицейском участке. Неизлечимо больной, он вынужден бросить работу и отправляется доживать свои дни на ферму к тестю. Блаунту приходится покинуть город под угрозой ареста. Мик оставляет мечты о музыке и поступает продавщицей в магазин — семье необходим лишний заработок. Все эти конфликты не свя-

заны с личностью немого. Но именно они, а не самоубийство Сингера, который застрелился, узнав о кончине Антонопулоса, определяют дальнейшую судьбу героев.

Не все персонажи романа изображены писательницей с одинаковой силой. Самый схематичный и сконструированный, конечно — Сингер. Иногда кажется, что духовная жизнь немого остается для автора не менее загадочной, чем для героев его романа. Зато запоминается Мик Келли (образ отчасти автобиографический), с ее по-детски противоречивой духовной жизнью. Тут инфантильность и необычайная сила, глубина переживаний, тоска по идеалу и отчаянный пессимизм, эгоизм юности и способность к самопожертвованию. И все окружение Мик — ее младшие братья и соседские ребята — оживают, освещенные ее отраженным светом. Даже бессловесный крошечный Ральф, на которого Мик из «эстетических» соображений напяливает кружевной чепчик, сбивающийся ежеминутно набок, так как ребенок из него давно уже вырос, даже этот Ральф кажется неповторимой индивидуальностью.

Особое место в романе занимает хозяин кафе Биф Бреннон. Это достаточно обеспеченный человек, чтобы быть защищенным от напора внешних сил. Правда, в конце романа кафе становится убыточным предприятием из-за равнодушия к делу его владельца. Он бескорыстен — прощает Блаунту долг да еще дает деньги на дорогу; ставит инвалидам бесплатно спиртное; не закрывает на ночь кафе, хоть это и убыточно (а вдруг забредет на огонек какой-нибудь одинокий прохожий?). Биф собирает газеты и журналы: его интересует все, что происходит в мире, что было и что будет. Для него одного Сингер не кумир, а объект наблюдения, как и другие завсегдатаи кафе. Как всякий наблюдатель, он пассивен; быть может, поэтому его образ кажется несколько бледным, расплывчатым. Но именно он чаще всего выражает авторское отношение к происходящему. И не случайно последние страницы книги посвящены Бреннону: «...на миг наступило просветление, и ему открылась картина человеческой борьбы и доблести... Но только на миг. Тут же его одолели дурные предчувствия, его пронзил страх... А когда... он снова вернулся в дом, он совладал с собой и, ничем себя не теша, стал ждать восхода солнца».

Советский читательзнакомился с творчеством Маккаллера в обратном порядке. Сначала появился на русском языке ее последний роман — «Часы без стрелок»¹. Переведенный сейчас — «Сердце — одинокий охотник» — вышел в 1940 году и был первым произведением писательницы. «Ничем себя не теша», она дала картины из жизни Америки тридцатых годов. Прошли десятилетия, но темы расовой дискриминации и духовной разобщенности людей по-прежнему составляют основную проблематику со-

временной литературы США. И голос писательницы, ее гнев и боль звучат с той же силой, что и тридцать лет назад.

К. АТАРОВА

**ИЗДАНО
ЗА РУБЕЖОМ**

ТРАДИЦИИ ЧЕШСКОЙ МАРКСИСТСКОЙ КРИТИКИ

Jaromír Dvořák. Zdeněk Nejedlý (1878—1938). A nova česká literatura. Olomouc, Universita Palackého v Olomouci, 1969.

 первого президента Чехословацкой Академии наук Зденека Неядлы (1878—1962) знают у нас не только по его трудам. Люди старшего поколения помнят Неядлы как одного из основателей Общества экономического и культурного сближения с новой Россией, созданного в 20-е годы вопреки официальному антисоветскому курсу тогдашнего чехословацкого правительства. Историки-слависты среднего поколения с гордостью называют себя его учениками — во время второй мировой войны он читал курс истории славян на истфаке МГУ.

Ученый разностороннего дарования и энциклопедических знаний, З. Неядлы оставил заметный след во многих отраслях чешской науки. Он был историком самого широкого профиля. Главной его специальностью считалась история музыки: на протяжении десятилетий Неядлы был профессором музыковедения Карлова университета в Праге, ему принадлежит «История чешской музыки», капитальные исследования о гуситской песне, о Б. Сметане, о З. Фибихе. Он очень много сделал также и для чешской гражданской и политической истории и истории культуры вообще, для изучения чешской литературы. Среди многочисленных трудов, созданных им, — «Спор о смысле чешской истории» и «История чешского народа», история за тысячу лет города Литомышль, монография об идеологе и первом президенте чехословацкого буржуазного государства Т. Г. Масарике, сотни статей на различные научные и злободневные политические темы. В области истории литературы им написаны фундаментальные исследования об А. Ирасеке и Б. Немцовой, работы о В. Галеке, И. Волькере. В тридцатые годы Неядлы начал работу над монографией о В. И. Ленине, два тома которой вышли в 1937—1938 годы.

¹ См. рецензию В. Рубина в «Иностранной литературе» № 9, 1966.